

УДК 343.2:347.1

Д. Л. Никишин

Институт Академии ФСИН России, Рязань

Д. О. Орешкова

Академия ФСИН России, Рязань, e-mail: fuf62@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СООТНОШЕНИЙ И РАЗГРАНИЧЕНИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: гражданское законодательство, Уголовный кодекс, правовые категории, собственность, преступления против собственности.

Статья посвящена актуальным проблемам в сфере определения признаков гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений и критериев их разграничения. В частности, авторы научной статьи рассматривают и анализируют основные аспекты соотношений и разграничений гражданско-правовых и уголовно-правовых категорий при установлении признаков преступных деяний против собственности. В статье обращается внимание на то, что не все категории, нашедшие отражение в гражданском праве и имеющие принципиальное значение для задач и целей гражданско-правового регулирования, могут быть перенесены и трансформированы без вреда для сущностной природы характеристик в области уголовно-правового регулирования общественных отношений. По мнению авторов, возникающие спорные противоречия при квалификации преступлений против собственности связаны, прежде всего, с неверным или неточным пониманием классических положений, принятых и действующих в институте собственности, по отношению к закреплённым нормам отечественного уголовного права. Авторами сделан вывод о том, что необоснованное и некорректное противопоставление или несоответствие признаков преступлений против собственности требованиям гражданского законодательства не способствует, а только лишь вредит правильной и точной квалификации и применению юридических норм об ответственности за указанные деяния против собственности.

D. L. Nikishin

Institute of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

D. O. Oreshkova

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, e-mail: fuf62@mail.ru

SOCIAL AND LEGAL NATURE OF DETERMINING RELATIONS AND DELIMITATION OF CIVIL AND CRIMINAL LAW CATEGORIES FOR ESTABLISHING SIGNS OF CRIMINAL ACTIONS AGAINST PROPERTY

Keywords: civil law, Criminal Code, law category, property, crime against property.

The article is devoted to topical problems in the field of determining the signs of civil and criminal law relations and the criteria for their differentiation. In particular, the authors of the scientific article consider and analyze the main aspects of the relationship and differentiation of civil and criminal legal categories when establishing signs of criminal acts against property. The article draws attention to the fact that not all categories that are reflected in civil law and are of fundamental importance for the tasks and purposes of civil law regulation can be transferred and transformed without harming the essential nature of characteristics in the field of criminal law regulation of public relations. According to the authors, the controversial contradictions that arise in the qualification of crimes against property are associated, first of all, with an incorrect or inaccurate understanding of the classical provisions adopted and operating in the institution of property in relation to the enshrined norms of domestic criminal law. The authors concluded that the unjustified and incorrect opposition or inconsistency of the signs of crimes against property with the requirements of civil legislation does not contribute, but only harms the correct and accurate qualification and application of legal norms on responsibility for these acts against property.

В ряде современных правовых источниках (диссертационных исследованиях, монографиях, научных статьях) дискутируется вопрос о соотношениях и разграничениях гражданско-правовых и уголовно-правовых категорий собственности [1]. Данные дискуссии, безусловно, правомерны и объективны, так как безоговорочное перенесение терминов и определений, используемых в гражданском законодательстве, в уголовно-правовую среду регулирования представляет собой подмену категорий, что является затруднительным и, вероятнее всего, невозможным [2]. Данное положение касается как определения самой структуры и правовой природы содержания отношений собственности, так и (в узкой степени) предмета отношений собственности в сфере уголовного права.

Можно утверждать, что такой посыл и представление данного вопроса имеют определённые основания, поскольку, с одной стороны, справедливы утверждения авторов, считающих, что определение отношений собственности в гражданском праве носит расширенный и более детальный объём и характер, а с другой стороны, для уголовно-правовой охраны такое определение отношений собственности совершенно необязательно [3]. На наш взгляд, возникающие спорные противоречия при квалификации преступлений против собственности связаны, прежде всего, с неверным или неточным пониманием классических положений, принятых и действующих в институте собственности, по отношению к закреплённым нормам отечественного уголовного права.

Цель исследования заключается в определении соотношения и разграничения гражданско-правовых и уголовно-правовых категорий для установления признаков преступных деяний против собственности. В работе используются теоретические и практические методы исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в области применения норм о праве собственности.

В гражданском законодательстве право собственности, выступающее в Уголовном законе как объект престу-

пления (глава 21 УК РФ), определяется через правомочия владения, пользования и распоряжения собственником принадлежащего ему имуществом. В ряду этих правомочий, составляющих право собственности, определённое внимание заслуживает категория «владение». Преступления против собственности в отечественном уголовном праве зачастую именуются преступлениями, совершенными против владения. Так, исходя из дословного толкования термина «хищение» в п. 1 Примечания к ст. 158 УК РФ, собственник фактически приравнивается к иному законному владельцу, а это позволяет утверждать, что уголовное законодательство подходит к использованию гражданско-правовых категорий с определённой долей условности, отождествляя или уравнивая явления, которым в гражданском праве придается независимое содержание и значение.

Говоря об этом, нам необходимо выделить следующее: определение содержания термина «владение» в гражданском праве нередко трансформируется через термин «сфера реального господства в праве собственности», что и устанавливает рамки полномочий собственника и (или) иного законного владельца в отношении принадлежащего ему имущества. Содержание понятия владения и связанные с ним институты было бы правильно реализовывать при квалификации преступлений против собственности. Например, сам момент окончания хищения чужого имущества при краже (ст. 158 УК РФ), грабеже (ст. 161 УК РФ), наступает при наличии у виновного реальной возможности обратить похищенное в свою пользу или в пользу третьих лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом. Данное трактование является классическим, оно складывалось в отечественном уголовном праве на протяжении многих десятилетий, но установление момента окончания преступления по вышеуказанным составам и по сей день вызывает определенные затруднения у правоприменителей [4]. Получение виновным указанной возможности наступает после выполнения им действий, составляющих объективную сторону преступления, т.е. изъятия имущества из законного обращения соб-

ственника, а как результат – завладение имуществом, т.е. получение виновным в отношении изъятого имущества фактического правомочия владения. Сама возможность реализации данного правомочия обуславливает и возможность пользования и распоряжения похищенным имуществом. Наступление момента окончания данных составов преступлений Верховный Суд РФ связывает с объективным наличием у виновного правомочия фактического владения похищенным. Исходя из этого, на наш взгляд, в целях унификации применения указанных норм было бы правомерно использовать категории «владение» и «сфера реального господства в праве собственности» при определении момента окончания данных составов преступлений, что, в свою очередь, позволило бы на практике не отходить от общепринятых понятий в гражданском праве.

В гражданском законодательстве понятие «имущество» раскрывается посредством перечня, определённого в ст. 128 ГК РФ. Но, как мы указали ранее, не все гражданско-правовые категории в таком понимании могут применяться и в уголовно-правовом регулировании отношений. При этом необходимо отметить, что «право на имущество» используется в уголовном законодательстве при установлении признаков такого состава преступления как мошенничество (ст. 159 УК РФ). В теории уголовного права многократно указывалось на то, что в силу своей «нематериальности» по объективным факторам оно не может выступать в качестве предмета преступления. Данное положение являлось основополагающим в теории отечественного уголовного права. В связи с этим, в историческом аспекте обратим своё внимание на УК РСФСР 1926 г., в котором была отдельно закреплена уголовная ответственность за кражу электроэнергии. В действующем УК РФ деяние, соответствующее вышеупомянутому преступлению, квалифицируется по ст. 165, и отличительным признаком данного состава преступления от составов с хищением является отсутствие признаков хищения чужого имущества.

В настоящее время в юридической литературе все чаще подвергается со-

мнению обязательность наличия материального или, как его называют, «физического» признака предмета хищения. Вероятнее всего, по нашему мнению, данное обстоятельство связано с корректировкой и определённым пересмотром взгляда на сам предмет преступления в целом. Зачастую даже в учебной юридической литературе бытуют утверждения, что признаком предмета преступления в определённых составах являются такие категории, как имущественные и иные права, некоторые сведения и иные нематериальные блага в их историческом и традиционном аспекте [5]. Это дает возможность к приведению в соответствие признаков предмета преступления с требованиями гражданского законодательства.

Помимо пересмотра взглядов на учение о предмете преступления в целом, в последнее время высказывается всё больше постулатов о том, что именно для предмета хищения обладание натуральными физическими свойствами и признаками не является обязательным условием. В связи с бурным развитием электронной и компьютерной техники, ряд авторов указывают на участвовавшие случаи хищения в банковской и финансовой сферах. Данный вид преступлений характеризуется тем, что лица, совершающие преступления, взаимодействуют с техническими носителями информации (компьютеры, серверы и т.д.), незаконно переводят деньги с электронных счетов банковских учреждений и иных кредитных организаций. Более того, буквально за последние несколько лет появились электронные деньги – «биткойны», которые также подвергаются хищениям и являются предметом преступлений. Безусловно, полностью исключить указанный признак было бы абсолютно ошибочно, но отнесение определённых ценностей к имуществу требует своего пересмотра. Вишнякова Н.В. предлагает считать, что содержание материального признака предмета хищения состоит не в его физическом олицетворении, а в отнесении его к объектам права собственности. По её утверждению, отнесение предметов к такому имуществу свидетельствует о возможности его гражданского оборота, а, следовательно, и возможности противоправного обращения [6].

В гражданском праве принято классифицировать имущество на движимое и недвижимое. На основании ст. 130 ГК РФ недвижимыми считаются объекты, которые не могут передвигаться без нанесения соразмерного ущерба их хозяйственному значению. К ним относятся земельные участки, недра, обособленные водные объекты и всё, что прочно связано с землёй (леса, здания, сооружения и т.п.). Движимыми признаются вещи, не включенные в число недвижимых. Большинство авторов считает, что недвижимость не может быть предметом кражи. Недвижимое имущество, являющееся таковым в силу своих физических свойств, может быть предметом хищения, совершаемого путём приобретения права на него, в частности, при мошенничестве (ст. 159 УК РФ). В данном контексте было бы правильно обратить наше внимание на то, что, например, воздушные и морские суда, суда для внутреннего плавания, космические аппараты законодатель также

относит к недвижимым вещам, однако, фактически их можно незаконно изъять, в том числе и тайно. Данные деяния предлагается относить к преступлениям против общественной безопасности (гл. 24 УК РФ).

Таким образом, было бы уместно утверждать, что не все категории, нашедшие отражение в гражданском праве и имеющие принципиальное значение для задач и целей гражданско-правового регулирования, могут быть перенесены и трансформированы без вреда для существенной природы характеристик в области уголовно-правового регулирования общественных отношений. К тому же, необоснованное и некорректное противопоставление или несоответствие признаков преступлений против собственности требованиям гражданского законодательства не способствует, а только лишь вредит правильной и точной квалификации и применению юридических норм об ответственности за указанные деяния против собственности.

Библиографический список

1. Тенчов Э.С., Корягина О.В. Имущественные отношения в уголовном праве (сходство и различие с цивилистическим подходом) // Современное состояние российского законодательства и его систематизация: Материалы круглого стола. М.: Тула, 1999. С. 290-291.
2. Ханов Т.А., Бакишев К.А., Весельская Н.Р. Разграничение гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-2. С. 14-18.
3. Минская В.М., Каледина Р.П. Преступление против собственности: проблемы и перспективы законодательного регулирования // Российская юстиция. 1996. №3. С. 12-15.
4. Капинус О.С. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том 2 / под редакцией О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 639 с.
5. Уголовное право России: учебник для вузов / Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. М.: Издательская группа «НОРМА», 2019. 639 с.
6. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск: Омская академия МВД России, 2008. С. 102.